

Социальные технологии для России¹

Историческая макросоциология как наука о крупных социальных изменениях, подъёмах и упадках обществ и цивилизаций берёт начало в трудах классиков, от О. Конта и К. Маркса до М. Вебера. В 70-х гг. XX в. она начала быстро развиваться на Западе. В современной России это направление ещё не получило широкого распространения. Наиболее активные исследования ведутся в Новосибирске под руководством д-ра филос. наук, проф. Н.С. Розова. Недавно вышла в свет его седьмая монография, посвящённая на сей раз анализу стратегий развития России в XXI в. Как пишет во введении автор, она «...имеет не эмпирический, но теоретический характер с политико-философскими и прогностическими вкраплениями, большой социально-проектной частью».

В содержании книги помогает разобраться помещённый в начале «Краткий путеводитель». Первая часть, «Интеллектуальный контекст и понятийный каркас», знакомит читателя с существующими направлениями исторической макросоциологии и базовыми концепциями, моделями, понятиями, позволяющими подойти к пониманию исторической динамики России, её внутренних и внешних движущих сил. Во второй части, «Колея „русской власти“: инерция циклической динамики», дан анализ феномена «русской власти» — неперемного восстановления после крупных сдвигов верховной автократической власти — в контексте характерных для авторитаризма социальных изменений, негативно влияющих на развитие общества. О том, как можно выбраться из этой «колеи», говорится в третьей части, «От авторитаризма к демократии — перевал как смена логики исторического развития», где рассматриваются конкретные вопросы преодоления нынешней стагнации и растущей деградации и перехода к реальной демократии. В четвёртой части, «Геоэкономика и геополитика России: приоритеты и стратегии», речь идёт о положении страны в мире, повышении её международного статуса и влияния. В заключении подведены краткие итоги исследования. Кроме того, в книге имеются пять приложений, касающихся как практических аспектов социального познания, так и его философии и методологии.

Теоретическая составляющая работы — разработка механизмов социальной динамики, изменения социальных структур и качеств индивидов. Здесь показано, как важны для «здоровья» социальных систем адекватные ответы на вызовы, с которыми они сталкиваются. Отмечена важная роль в меняющемся обществе интерактивных ритуалов, социальных институтов, ментальности, влияние на него ресурсной составляющей и основных внешних факторов. Теоретические аспекты проработаны достаточно подробно, что позволяет автору уверенно продвигаться в исследовании. Единственный момент, который здесь вызывает сомнение, — слишком широкое толкование термина «ритуал»: к нему отнесено не только ритуальное оформление человеческого поведения, но и самые разные виды деятельности, от чтения книг и просмотра фильмов до администрирования и ведения переговоров (с. 45, 50—51). Надо бы уточнить и содержание понятия «элита», ибо та элита, что у нас перед глазами, не имеет никакого отношения к значению слова «лучший». При авторитаризме это просто привилегированный слой, обладающий властью и богатством. Чтобы в него попасть и удержаться, не нужно обладать никакими лучшими качествами, скорее наоборот: быть беспринципным, хитрым, алчным; о совести говорить даже не приходится. Уточнение это необходимо, чтобы помнить, что мы имеем на самом деле и кто задаёт тон в обществе сегодня.

¹ Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.

Бросающаяся в глаза особенность книги — сочетание основательно проработанных теоретических подходов с устремлённостью автора к решению актуальных для России практических задач, главная из которых — преодоление авторитаризма и мирный переход к подлинной демократии. В работе содержится более 70 схем. Часть из них иллюстрирует динамику исторических процессов, влияние «возмущающих спокойствие» вызовов и закономерно реагирующих на них ответов социальной системы, взаимосвязи внутренней и внешней политики и др. Многие изображения являются, по сути, технологическими схемами решения конкретных проблем, таких как коррупция, деградация и противодействие ей, указывают на связь уровня свободы и уровня государственного успеха. В тексте также содержится немало годных к использованию описаний действия социальных механизмов. Поэтому монографию Н. С. Розова можно рассматривать и как практический вклад в разработку социальных технологий.

Сам автор замечает, что большинство высказанных им положений — гипотезы, требующие доказательств. На самом же деле они достаточно убедительны, глубоко продуманы и за редким исключением нет оснований подвергать их сомнению. Скорее всего, этой оговоркой Н. С. Розов хочет отвлечь читателя от возражений и споров по частным вопросам и направить его внимание на основную проблему: как наша страна может одолеть свои извечные беды, и вправду связанные во многом с характером власти, и подняться на перевал к более счастливой и достойной жизни.

Раскрывая загадку циклической динамики российской власти, Н. С. Розов исходит из того, что повторяющиеся явления обычно обусловлены некоей скрытой общей причиной, и показывает, что коренится она в характере существующих отношений между государством и обществом: использование государственного принуждения и насилия; наличие некоего негласного вертикального договора между государством и народом, в котором власть гарантирует народу сносные условия существования, а тот даёт ей свою поддержку; влияние укоренившейся в обществе привычки к государственному патернализму. Насилие играет ключевую роль, обеспечивая сохранение существующего порядка и его воспроизводство в изменяющихся исторических условиях. Побудительный мотив насилия — корыстные материальные интересы господствующих слоёв. «...С одной стороны, насилие — это последний аргумент в борьбе сословных групп за делёж ресурсов и ренту, с другой стороны, государственное насилие — это эффективный способ удержания привилегий инсайдеров, достаточно узкого круга получателей большой ренты, через устрашение и подавление протестных попыток со стороны аутсайдеров — получателей малой ренты, обеспечение их лояльности, хотя бы видимой» (с. 242).

Достигнутая победа даёт возможность элите наслаждаться её плодами, но следом — стагнация, переходящая в кризис. В замкнутой властной группировке сокращаются возможности служебного продвижения, растёт стремление её членов прибрать к рукам ценные ресурсы, усиливаются внутренние противоречия, формируется своеобразный рынок взаимных услуг. Негласный договор между элитой и правителем, дающий ей достаточную свободу действий в обмен на лояльность, ещё больше расширяет возможности правящего слоя. Всё это могло бы длиться бесконечно долго, если бы не ограниченность ресурсов страны. Постоянно увеличивающаяся своя численность и аппетиты элита уже не может сохранять прежний высокий уровень потребления, а народ — мириться с дальнейшим «затягиванием поясов». Социальное неблагополучие сказывается на сознании акторов, их габитусов (устойчивых комплексов установок), что ещё сильнее активизирует протекание кризисных процессов. Революционная смена режима, достаточно редкое явление, была только в 1917 и 1991 гг. В остальных случаях,

с XVII по конец XX в., власти с помощью армии и полиции удавалось подавлять «бунтовщиков». Последующее укрепление авторитаризма обычно было связано не только с достигнутой «победой», но и со спросом в обществе на консолидацию и наведение порядка. Особенности менталитета народа и существующих институтов способствуют его колебаниям то в сторону авторитаризма, то к новой разобщённости и кризису. В результате страна всё глубже погружается в эту историческую колею (с. 271).

Усложнённая модель авторитарных циклов в России включает в себя маятниковую динамику, связанную с внешними воздействиями и проявляющуюся в таких крайних фазах, как «успешная мобилизация», «государственный распад», а также в степени либерализации (с. 272). Предпосылки успешной мобилизации — открытие доступа к достаточному количеству ресурсов, что происходило в результате завоеваний, нахождения сырья (руды, нефти, газа), производства продукции (чугуна, зерна, удобрений), востребованной за рубежом. Необходимое условие успеха — наличие достаточного продовольственного потенциала. И всё же каждая мобилизация сопровождалась огромными тяготами и сверхэксплуатацией народа. «Государственный распад» наступал под воздействием таких факторов, как раскол и ослабление силовых структур, сепаратизм провинций, военные поражения, бунты и т.д. Либерализация не обходится без роста влияния западных идей и ценностей.

Современное положение России автор расценивает как стагнацию, чреватую глубоким всесторонним кризисом, в котором будут насаиваться влияние глобального экономического кризиса, внутреннего системного (деградация, коррупция) и социально-политического. Постоянно сохраняется опасность скользить всё дальше к авторитаризму и даже диктатуре. Однако есть ещё возможность позитивных социальных изменений: формирование в обществе навыка к самоорганизации, достижение необходимого уровня защиты личности и собственности, делигитимизирующего политические репрессии, консенсус о недопустимости насилия и использования правоохранительных органов в политической борьбе. Всё это должно способствовать возникновению новых политических центров влияния и силы и преодолению кризисов (с. 364).

Автор предлагает свою концепцию демократизации, суть которой состоит в постепенном продвижении от авторитаризма к полиархии и далее к открытой демократической политике. Сама демократия понимается как власть, разделённая между центрами силы. Ключевую роль регулятора должен играть так называемый селекторат, включающий некие влиятельные круги, с которыми претенденты на власть вынуждены будут считаться. Схема достаточно реалистичная, в разных странах в той или иной степени работает. Однако она слишком уж далека от идеала, где источником власти выступает народ. Ему придётся довольствоваться ролью «довеска», к которому борющиеся силы станут апеллировать, чтобы одолеть своего противника, когда не удаётся с ним договориться. Мало надежды на то, что центры силы под влиянием собственных интересов и давлением общества окончательно перейдут к открытой политике. Возможно, на поверхности всё так и будет выглядеть, но по важным принципиальным вопросам, касающимся общих интересов власть предрасположена, всегда будут те или иные договорённости. Дело здесь не столько в групповой или классовой солидарности, сколько в том, что человек — существо разумное, и он не может не пользоваться своим разумом, тем более когда это касается его интересов, т.е. сговоры любых автономных от общества властных групп не устранимы в принципе. То же и с селекторатом. Его прообразом в России в 90-е гг. были олигархи, что стало хорошей прививкой от повторения подобных опытов.

Следуя своей концепции, Н.С. Розов показывает развилки, через которые придётся пройти стране, преодолевая рубеж полиархии, а потом перевал к собственно демократии. Трудности здесь немалые, но главная сложность — в изменении самого общества, трансформации его менталитета, институциональных характеристик. Решить эти задачи возможно, и автор подробно, пошагово показывает, что и как будет меняться в обществе, как блокировать деградацию, преодолеть апатию, активизировать человеческий капитал. Разрушений должен быть минимум, надо стремиться использовать всё, что возможно. Даже силы, которые сегодня далеки от служения обществу (например, коррупционеров), можно привлечь на его сторону, показывая, что это даёт престиж и достоинство, которое начинают цениться не меньше, чем богатство и власть. Им вполне доступно понимание простой истины: если не уезжать из страны, то нужно самому что-то делать для её обустройства, для будущего своих детей и внуков. Не трудно найти путь и к «политическому сердцу обывателя», учитывая его простые жизненные интересы, связанные с удовлетворением материальных потребностей. Главные резервы позитивных изменений, способствующих демократизации, не «сверху», а «снизу» — в активной жизни местных сообществ. В преобразованиях важен фактор времени. Силы перевала должны сформироваться и окрепнуть до того как разразится острый политический кризис, чреватый насилием и другими бедами, которых надо стараться не допустить.

В модернизации России велика роль внешних факторов. Согласно методологическому принципу макросоциологии «извне — внутрь», геоэкономические связи страны во многом определяют направленность её внутренних изменений (с. 551). Наиболее благоприятные возможности имеют развитые страны, входящие в ядро мир-экономики. России же приходится довольствоваться скромным местом на полупериферии. В монографии предлагается набор методов и средств, направленных на поднятие геоэкономического статуса России. Но они вряд ли смогут выдержать проверку практикой. Делая ставку на превращение страны в центральное место развития путём привлечения иностранных сил и средств, автор предлагает не только создавать благоприятные условия зарубежным инвесторам, но для укрепления «проблемных зон» дать другим странам возможность «перекрёстного развивающего присутствия»: Европе, Индии, Южной Кореи в Восточной Сибири, США на Курилах (что абсолютно невозможно, учитывая японо-американские союзнические отношения), Европе и Японии на Северном Кавказе, Китаю и Японии в Калининградской области. Прямо какой-то империализм наоборот. Мало того, в качестве обязательного условия подъёма в миросистемной иерархии предлагается вступить в патрон-клиентские отношения. Добиться возможности стать основным клиентом Европы, чтобы получать доступ к технологиям, овладеть «способами их превращения в товары, востребованные или могущие стать востребованными на мировых рынках» (с. 556). За такое «счастье» придётся бороться с Турцией, Магрибом, Бразилией, Индией, Индонезией. Клиентами, из которых предстоит самим извлекать прибыли, должны стать такие страны, как Узбекистан, Казахстан, Белоруссия, Армения. Но извлечение прибыли легко переходит в угнетение, а отношение к патронам становится как к угнетателям. Это мы уже проходили. Если бы не Октябрьская революция 1917 г., то до сих пор работали бы на французских и бельгийских и других рантье [1, с. 185, 217]. В конце книги имеется оговорка насчёт «завиральных идей» — наверное, это они и есть.

Не обойдены вниманием вопросы национальной безопасности. Предлагается уравновесить растущее влияние Китая более тесными связями России с Западом. Выказывается беспокойство в связи с принятой в 2009 г. «Программой сотрудничества на 2009—2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточ-

ной Сибири и Северо-Востоком КНР», открывающей Китаю широкий доступ к нашим природным ресурсам. Вызывают опасения факты оседания китайцев на востоке страны. Надо сказать, что эти вопросы, если смотреть на них вблизи, а не издалека, выглядят несколько иначе. Сейчас не столько китайцы хотят осесть у нас, сколько россияне стремятся перебраться в Поднебесную: всё больше русских женщин выходят замуж за китайцев и переезжают в Китай. Особенно это заметно в Харбине. Конечно, подписание Программы было подарком нашей стороны Китаю, приуроченным к юбилею образования КНР. Произошло это по причине нашей азиатской привычки делать широкие жесты и роскошные подарки, которые на высшем уровне приобретают запредельные масштабы. И только традиционная российская необязательность спасает положение. Прошло уже два года, но на большинстве российских объектов сотрудничества ещё конь не валялся. Совершенно ясно, что многие из них не будут осуществлены никогда, так как в этом нет действительной необходимости и по той причине, что у нас не плановая экономика, и то, что вчера казалось нужным, сегодня может стать невыгодным. По Программе видно, что самое главное в ней — доступ Китая к разработке Удоканского (одного из крупнейших в мире), а также Чинейского месторождений меди. Сейчас из-за производства электромобилей медь становится важнее золота. Но Программа — лишь намерение, обещание.

В целом работа Н.С. Розова посвящена рассмотрению путей и методов, как из того, что мы имеем, сделать более приличное, цивилизованное общество, и в этом её ценность. Однако автор, наверное, не случайно недоговаривает, что это общество будет буржуазным, потому как оно тоже далеко не верх совершенства. Из текста книги видно, что именно к этому «перевалу» ведёт нас автор. Когда говорится о влиянии «держателей ресурсов» на изменение политики и в их число включаются владельцы квартир, дач, гаражей, автомобилей, то понятно, что это не те ресурсы, о которых следует вспоминать. Никто не продаст квартиру, в которой сам живёт, чтобы потратить вырученные деньги на подкуп избирателей. А вот хозяин колбасной фабрики может легко покупать голоса, расплачиваясь колбасой или деньгами. Того же поля ягода держатели ресурсов из числа селектората — бедняков там нет. Это всё, если называть вещи своими именами, буржуазия. При авторитаризме у неё ещё не полностью развязаны руки, поэтому многие из «денежных мешков» стараются не светиться (с. 425), ожидая пока власть перейдёт к ним безраздельно. Из истории известно, как это бывает. Народ, жертвуя жизнями, поднимается на борьбу против прогнившего режима, а власть потом достаётся буржуазии. Именно так было в европейских революциях 1848—1849 гг. Похоже, что и у нас дело идёт к такой развязке. Уже накоплено огромное количество сил и средств для подавления народа (с. 174), и это «ружьё» не может не выстрелить.

То, что может предложить обществу буржуазия, — ценности «второй свежести». Демократия как власть денег, очень красиво преподносимая публике в конституциях. Войны на благо и в защиту этой демократии. Контрактное право как право эксплуатации хозяином своих работников. Конкуренция, предлагаемая нам сегодня в качестве панацеи. Конкурентно-рыночная ориентированность людей и народов, отмечена в книге как достижение. Хотя я абсолютно уверен, что сам автор, когда писал свой труд, не руководствовался таким подходом. Не очень жалуют этот подход и на исторической родине — Западе. В 1922 г. О. Шпенглер писал: «Капиталистическая экономика опротивела всем до отвращения» [2, с. 625]. В 1968 г. неприятие буржуазных ценностей и антивоенные протесты на Западе вылились в молодёжный бунт. В наши дни люди всё больше убеждаются в правоте марксистского отрицания капиталистического строя.

Современный мировой кризис является показателем глубокого нездоровья существующей социально-экономической системы. Усиливается эксплуатация народов, что выражается в существенном ухудшении условий жизни и повышении по требованию Международного валютного фонда пенсионного возраста в разных странах. Сохраняется паразитизм «золотого миллиарда» — «ядра мир-экономики». Почти век тому назад О. Шпенглер поставил диагноз Западнему миру, определив его состояние как закат. На мой взгляд, дело обстоит гораздо хуже: это кризис патриархата. Как бы мы ни реформировали этот строй, объективного улучшения не наступает. Оказались исчерпанными возможности тех путей развития, которые он мог предложить человечеству. Попытки создать глобальную мир-империю, сопровождавшиеся войнами и огромными жертвами, закончились тем, что стало ясно: мир больше не поддаётся переделу, пространство осталось непобеждённым. Авторитаризм, ещё сохраняющийся во многих странах, — лишь отголосок этого ушедшего в прошлое направления, попытка сохранить господство над «своим» народом. Не лучше обстоят дела с мир-экономикой, базирующейся на использовании ссудного процента. Нынешний европейский долговой кризис показал, что ростовщический захват и эксплуатация будущего достигли своего предела. Время также не удалось победить.

Глобальный социум представляет собой противоречивое единство мужской и женской составляющих. Патриархат — исторически сложившееся господство мужской части над женской. Но в мире нет ничего неизменного, и сегодня мы можем наблюдать, что это господство слабеет. Причины здесь не только и не столько внешние, сколько внутренние, связанные в первую очередь с двойственным характером мужского начала. С одной стороны, оно выступает как носитель чисто мужских качеств (экспансия, воинственность, стремление к изменениям), с другой — тяготеет к материальным интересам (добыча), здесь оно ближе к «теллурическому» женскому началу. В XI в. произошёл исторический сдвиг от преобладания первой составляющей ко второй. Хорошо известно, как это было. Страсть воинственных викингов к добыче привела к накоплению значительных богатств, которые требовали учёта и контроля. Так начала формироваться современная денежная экономика, возникли её основные термины и понятия [2, с. 493—494]. С победой в мире капиталистического строя войны стали отходить на второй план, наступило господство денежных отношений. Творцы политики неолиберализма стремятся сделать его абсолютным. Всё, что связано с прежней, основанной на военной силе, формой патриархата отвергается как противоречащее демократии. Автократы подвергаются остракизму, бывшие диктаторы — судебному преследованию. Правда, неолибералы сами не чураются военных акций, в которых очень уж заметно наличие коммерческой составляющей: стремление поддержать экономическую конъюнктуру Запада или взять под контроль нефтяные запасы других стран. Судьба викингов, тоже увлекавшихся погоней за добычей и ставших позже очень миролюбивыми норвежцами, шведами и датчанами, показывает, что чрезмерный «экономизм» ведёт к полной сдаче мужчинами прежних позиций в обществе при продолжающемся усилении женского влияния. И это объяснимо, так как военное дело — явно не женская стихия, а экономика (изначально — обустройство, ведение дома) как раз наоборот.

В структуре человечества мужское и женское начало представлены Западом и Востоком, с центрами в Западной Европе и Восточной Азии (остальные регионы являются в той или иной степени переходными) [3, с. 145]. Эмансипация женщин по времени совпадает с усилением Востока. Но сам Восток в силу разных причин тяготеет к своей сущностной противоположности и упорно стара-

ется сохранить господство мужского начала, что работает на укрепление патриархата. Окончательно все эти противоречия могут разрешиться только на более высоком уровне развития, вероятно, с появлением глобальной цивилизации, когда будет достигнуто гармоничное сочетание мужского и женского начал, Запада и Востока. Судя по всему, это очень отдалённая перспектива, а до тех пор длительное время займёт преодоление накопившихся проблем. Немалую роль в этом призваны сыграть социальные технологии.

Кроме чисто человеческих отношений в социуме сохраняется и продолжает действовать более глубокий уровень связей и отношений, унаследованных от мира природы. Обычно, когда какая-то социальная проблема долго не поддаётся решению, оказывается, что она коренится в этих тёмных глубинах. В современной России такая проблема — «дедовщина» в армии. В монографии даны рекомендации, как с ней справиться (с. 514), которые можно отнести к улучшающим, тогда как нужна технология закрывающая, ставящая точку в этой кажущейся бесконечной беде. Надо учесть, что «дедовщина» — связанные с насилием или его угрозой угнетение и эксплуатация одних солдат другими — по своей сути есть технология стаи хищников. В армию она попала из уголовной среды и показывает чрезвычайно высокую живучесть — в наших условиях никакие меры не смогли её победить. Однако, чего не удаётся добиться нам, сравнительно легко достигают на Западе. Французский Иностраннный легион тому пример. Причина кроется в уровне цивилизации. Развитая капиталистическая цивилизация даёт все необходимые средства заинтересованности и принуждения, которые позволяют контролировать ситуацию. Её возможностей хватает, чтобы каждого держать на «крючке», в первую очередь денежном, а «волкам» не позволять прятаться за «овцами» и осуществлять свои хищнические стратегии. Это преимущество современной наёмной армии. Только от неё, связанной материальными интересами, нельзя ожидать жертвенности и больших побед.

Много интересного можно найти в приложениях к монографии. Здесь ещё раз дано краткое содержание наиболее важных глав, посвящённых преодолению перевала «к новой логике развития страны на основе гражданской самоорганизации и институциональных преобразований». Своего рода «Апрельские тезисы», полушутливо названные «Апрельские тезисы 2.0». Дальше идёт «Памятка гражданскому и политическому активисту». Но она вряд ли дойдёт до адресата, так как тираж книги небольшой, да и читают у нас мало. А вот на ранее публиковавшуюся статью, посвящённую апологии поруганных категорий философии и политики (сущность, закон, закономерность, демократия и др.), думаю, обратят внимание. У нас ведь в своём отечестве, как обычно, пророков нет, и ценим только то, что пришло с Запада. Поэтому, если автор, имеющий солидный западный бэкграунд (стажировка у Иммануила Валлерстайна в Центре Фернана Броделя), говорит о научной ценности того, что нам было давно известно, но из-за увлечения новомодными течениями позабыто, то мимо этого никак нельзя пройти. Я бы к числу поруганных добавил ещё категорию «класс», так как классификация — нормальная научная процедура, хотя новые социальные классы России, опасаясь классовой борьбы, предпочитают о ней не вспоминать.

Одно из приложений посвящено проблеме понимания макросоциальной динамики постсоветских обществ. Автор призывает отказаться от упрощённых представлений, связанных с теорией модернизации, транзитологией, и сосредоточиться на понимании фаз социального развития и включённости обществ в геоэкономические, геополитические и геокультурные сферы. Он выделяет десять факторов доминирования (с. 690—691), каждый из которых даёт возможность стране занять более выгодную позицию и получить новые возможности для

развития. Но почему обязательно должно быть доминирование? Каждая страна имеет свои сравнительные преимущества. Если использовать их сверх меры, добиваясь именно доминирования, то возникает опасная односторонность, связанная с излишней специализацией, т.е. уходя от одного упрощения, приходим к другому. Не учитывается диалектика происходящих процессов.

Статья «От дисциплинарного империализма — к обществу знаний без границ! («Шангенский» проект интеграции социальных наук)», завершающая комплект приложений, посвящена актуальной и широко обсуждаемой в научных кругах проблеме — дисциплинарной экспансии наук, особенно так называемого экономического империализма. Отмечено, что все науки, овладев новыми продуктивными подходами и методами, не чужды такому империализму. Преимущества экономической науки, позволяющие ей успешно развивать экспансию, связаны с тем, что она использует математические методы и способна давать рекомендации по многим практическим вопросам. Способ преодоления дисциплинарного империализма и стирания междисциплинарных перегородок автор видит в нахождении общих методологических стандартов, позволяющих использовать модели, концепции, теории из разных дисциплин. Кроме того, перспективным является осуществление совместных исследовательских проектов.

Нельзя с этим не согласиться, однако представляется, что всё-таки есть научные дисциплины, которые могут претендовать на охват всех наук. Прежде всего, это история, отражающая процесс движения человечества, включая все его элементы и виды деятельности, в том числе научные направления, во времени и пространстве. Другая столь же значимая дисциплина — культурология. Если понимать культуру как всё многообразие прямых и косвенных связей и отношений человека и природы, проявленных в его деятельности, мышлении, языке и поведении [3, с. 71], то культурологический подход даст возможность охватить максимально широкую сферу человеческого бытия, способствовать более глубокому пониманию всего комплекса отношений человека и природы и путей их гармонизации.

В заключение стоит отметить, что монография Н.С. Розова по структуре тщательно выстроена и, несмотря на большой объём и довольно сложное содержание, воспринимается достаточно легко. Текст разбит на множество небольших разделов, каждому из которых предпосланы один-два эпиграфа с высказываниями философов, политиков, писателей. Часто это поэтические строки наших известных современников — И. Иргеньева и Д. Быкова. Один эпиграф, принадлежащий А. Муртазаеву и гласящий: «Россия производит впечатление великой державы. Но больше она ничего не производит», по прочтении книги следовало бы уточнить: она ещё производит ценное и весьма актуальное научное знание.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 368 с.
2. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Академический Проект, 2009. Т. 2. 764 с.
3. Рябченко Н.П. От глобализации к глобальной цивилизации. Владивосток: Дальнаука, 2012. 263 с.

Н.П. Рябченко,
кандидат исторических наук